

ХРЕСТОМАТИЙНЫЕ ТЕКСТЫ: РУССКАЯ ПОЭЗИЯ И ШКОЛЬНАЯ ПРАКТИКА XIX СТОЛЕТИЯ*

АЛЕКСЕЙ ВДОВИН, РОМАН ЛЕЙБОВ

Предлагаемая читателю коллективная монография подводит итог работе группы тартуских исследователей, осуществленной в рамках гранта Эстонского научного фонда «Формирование русского литературного канона» (Vene kirjanduskaanonii kujunemine; ETF 8471). Работа над проектом была бы невозможна без постоянного активного участия коллектива кафедры русской литературы Тартуского университета, а также без советов и консультаций коллег из разных учебных заведений России и Европы. В первую очередь следует упомянуть Олега Андершановича Лекманова (Высшая школа экономики, Москва) и Геннадия Владимировича Обатнина (Хельсинкский университет), чьи советы на разных этапах работы над книгой мы с благодарностью принимали. Кроме авторов, представленных в монографии, хотелось бы выразить свою признательность участникам Пятых пушкинских чтений в Тарту, проводившихся в рамках нашего проекта в 2010 г. Назовем здесь Алину Сергеевну Бодрову и Александра Алексеевича Долинину, Михаила Юрьевича Лотмана и Александра Львовича Осповата, Веру Аркадьевну Мильчину и Вадима Суменовича Парсамова, Константина Михайловича Поливанова и Вадима Владимировича Семенова. Мы благодарны всем коллегам за доброжелательное обсуждение темы, составившей предмет предлагаемой книги, и за активное участие в нашей общей работе.

Особой благодарности заслуживает Павел Федорович Успенский, принявший деятельное и заинтересованное участие в подготовке текста книги к печати.

* Работа написана в рамках проекта “Vene kirjanduskaanonii kujunemine / Russian Literary Canon Formation” (грант Эстонского научного фонда ETF 8471).

1.

Понятие «литературного канона» неоднократно становилось предметом оживленных дискуссий, часто выходявших за рамки строго научного поля. Течения науки о литературе, расцветшие в конце прошлого столетия и стремившиеся свести основной для проблемы канона вопрос о принципе отбора текстов к рассмотрению политических и/или социальных импульсов¹ (*School of Resentment*, в терминах Х. Блума), как и противостоящие им тенденции (в первую очередь, представленные классической монографией Блума *The Western Canon*; 1994), резко обозначили два противоположных подхода к проблеме (русский обзор их см.: [Гронас 2001а; Лоскутова 2001]).

Образцовые/канонические тексты для любого непрофессионального читателя (обучающегося литературе школьника; читателя «классических» серий массовых изданий; зрителя, ориентированного на экранизации старых текстов) метонимически представляют историю национальной/мировой литературы как избранные имена «классиков» и избранные тексты. Сам механизм селекции может быть описан либо как результат *институционального отбора*, либо как следствие *имманентных свойств текста*.

В первом случае метонимический ряд «вечных спутников» и «великих творений» может быть объявлен навязанным внешними социальными/политическими институциями; на этом пути естественны практические требования пересмотра канона (включение в него имен и/или текстов, замалчивавшихся прежде, исключение «устаревших» или «вредных» текстов).

В русской практике XX века, задолго до появления феминистской или постколониальной критики, попытка такого идеологического пересмотра была предпринята реформаторами школы после 1917 г. История попыток переформатирования русского литературного канона затронута в нашем сборнике лишь косвенно (см., например, главу о стихотворении Майкова, написанную Р. Лейбовым). Однако уже при беглом взгляде очевидно, что устоявшиеся иерархии способны противостоять даже весьма мощным институциональным трансформациям.

Во втором случае, если мы признаем *каноничность* не только и не столько результатом работы отбирающих тексты инстанций (в духе Д. Гиллори), сколько особым качеством произведения, трактуемым обычно как сочетание высокой структурности и не менее высокой открытости, способности к потенциальной ассоциации с разнообразными психологическими, соци-

¹ Об институте школьного образования как о главном социальном механизме отбора и канонизации текстов см. известные работы: [Guillory; Guillory 1995].

альными, культурными опытами², существует другая опасность: ограничить канон узким набором произведений «долгого дыхания», вернуться, по сути, к классицистическим представлениям об образцовых текстах и «вечных спутниках». Однако наблюдения над историей отбора текстов корректируют эту модель: сам «большой национальный канон» оказывается иерархически организованным, тексты и авторы здесь меняют свой статус, и эти изменения не всегда могут быть объяснены как внешними воздействиями, так и внутренними качествами текстов.

Как нам представляется, выводам и теоретическим моделям здесь должно предшествовать, прежде всего, более детальное описание различных фрагментов широкого «национального канона». Принципиально важной областью, которой посвящена предлагаемая читателю монография, представляется нам *школьный канон*. В свою очередь, он также

- гетероморфен (поскольку школьное образование обычно охватывает достаточно обширный промежуток времени и на разных этапах требует обращения к текстам разной сложности, различной жанровой природы и просто разного объема),

- гетерогенен (поскольку наряду с «классическими» произведениями прошлого уже в XIX в., как видно из работ, помещенных в нашу книгу, начинает активно инкорпорировать современные тексты) и

- гетерофункционален (так как школьное изучение литературы было и остается областью, сочетающей задачи языкового развития, историко-литературного просвещения и нравственного / идеологического воздействия).

Два направления историко-культурного изучения школьного канона представляются нам необходимыми, и они в разной степени отразились в предлагаемых читателю главах. Сам объем материала диктует историко-эволюционный подход, характеризующийся обращением к широким массивам данных и построением обобщенных, статистически достоверных картин распространения разных текстов в школьных книгах для чтения. В этом отношении продуктивным представляется направление, обозначенное в работах Франко Моретти и его последователей [Moretti 2007; 2013]. В перспективе нам видится здесь продолжение работы над составленной А. Вдовиным базой хрестоматий и книг для чтения³, причем конечным ее результатом должно быть создание корпуса книг для чтения, размещенного в соответствии с выработанными в «Национальном корпусе рус-

² В русле такого подхода к формированию литературного канона в литературных антологиях XVIII в. находится монография [Benedict].

³ См. ее электронную версию в разделе «Независимые проекты» на портале «Рутения» (<http://www.ruthenia.ru/canon/>).

ского языка» правилами. Это позволит уйти от приблизительности, характеризующей сейчас неоеволюционистские работы по истории литературы. Другим направлением, тесно связанным с традициями тартуской историко-литературной школы и необходимым при разговоре о трансформациях русского школьного канона, является тщательный контекстуальный анализ, предполагающий сочетание различных точек зрения на текст.

В первой части нашей монографии представлены суммарные обзоры, в центре которых — принципы построения хрестоматий в XIX столетии (А. Сенькина) и диахронические описания судьбы текстов двух русских стихотворцев в книгах для чтения (Л. Пильд, Т. Степанищева). Отбирая тексты, ставшие предметом анализа во второй части нашей монографии, мы опирались на их достаточно широкое распространение в русской педагогической практике позапрошлого столетия, однако намеренно не ограничивали авторов раздела, представивших разные подходы к этим «хрестоматийным» стихотворениям. Диапазон точек зрения здесь достаточно разнообразен: если И. А. Пильщиков сосредоточился на предыстории канонического бытования переводной элегии Батюшкова, то А. С. Немзер представил сверхканоническую «Песнь о Вещем Олеге» в многообразии ее прецедентов и последствий, характеризующих не столько школьный, сколько широкий русский поэтический (и шире — литературный) канон. В ряде глав рассмотрены историко-литературные сюжеты, связанные с историей канонизации, трансформации и «внешкольной» трансляции классических русских текстов. Авторы при этом обращаются к разнообразным культурным рядам, способствующим закреплению рассматриваемого стихотворения в культурной памяти: таким, как музыка (А. Балакин и Л. Киселева), живопись и кинематограф (Р. Лейбов), государственные ритуалы (Л. Киселева), идеологические споры середины XIX в. (К. Сарычева, А. Вдовин, И. Булкина), наконец, вопросы собственно педагогические (М. Макеев и К. Герасимова).

Такое методологическое и тематическое разнообразие нашей монографии, как нам хочется надеяться, отражает широту перспектив, открывающихся перед исследователями русского школьного литературного канона. В целом мы придерживаемся точки зрения на школьный канон, описанной, например, в [Лейбов]: школьный литературный канон является не только инструментом воспитания и образования подрастающих поколений, но и мощным средством закрепления текстов в коллективной памяти — наряду с другими механизмами внелитературной селекции, такими, как включение в репертуарные сборники, вроде знаменитых дореволюционных «Чтецов-декламаторов», и популярные антологии, а также бытование стихотворных

текстов в песенной традиции. «Закрепление в памяти» мы понимаем достаточно широко — не только как точную трансляцию, но и как репликации разного рода (этому способствуют «школьная пародия» и шире — фольклоризация, к которой хрестоматийные тексты тяготеют).

Приведем лишь один (выразительно «эволюционистский» по материалу) пример того, как включение в школьную хрестоматию помогает тексту «выжить», транслирует фрагменты его структуры в тексты-преемники, порой весьма далеко отстоящие от школьного источника. Кажется, исследователи Мандельштама до сих пор не обращали внимания на переключку стихотворения «Ламарк» со стихотворным историческим панегириком Д. Ознобишина «Кювье»:

Он мир прозрел, но чуждый нам и дальний,
Где мамонт жил, дракон и кракен злой,
В столетях бурь, где каменели пальмы
И человек над всем царил главой.
Созданий всех пред ним мелькнули тени,
Забывтые в преданьях на земле;
И он прошел подземные ступени,
Не утомясь и с думой на челе.

Представляется почти несомненным, что именно эти две строфы ознобишинского стихотворения отразились в мандельштамовском:

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.
К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав среди ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как протей.

«Подземные ступени» палеонтологических разысканий Кювье превратились в умозрительную «подвижную лестницу» эволюции Ламарка. Не вдаваясь в толкования концепции мандельштамовского стихотворения и его связи с историей биологических учений, укажем на вероятный непосредственный источник, из которого к Мандельштаму пришли эти две строфы: это 7-я глава I тома антиэволюционистского трактата Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» (1885). Разумеется, антидарвинист Данилевский мог запомнить первую публикацию стихотворения об антиэволюционисте Кювье в «Отечественных записках» 1842 г. Одна-

ко нам представляется весьма правдоподобным предположение, что свою роль могла сыграть и републикация «Кювье» (самого частотного в русских школьных хрестоматиях текста Ознобишина), трижды включавшегося в издания хрестоматии Галахова (1843, 1853 и 1859 гг.), первое из которых появилось в год окончания Данилевским Царскосельского лицея, но могло попасть ему в руки и позже.

2.

Институциональная история школьных программ и хрестоматий по литературе XIX века до сих пор не написана. Несмотря на давний и устойчивый интерес дореволюционных, советских и современных исследователей к этой теме⁴, отсутствие исчерпывающих библиографий учебных книг и программ — от начальной школы до университета⁵ — составляет ошутимую проблему. Работа по составлению библиографий такого рода далека от завершения. Тем не менее, в настоящей книге мы предлагаем читателям и исследователям пусть и не полную, но, как нам кажется, вполне репрезентативную подборку 108 русских хрестоматий и книг для чтения, изданных с 1805 по 1912 гг. (см. Приложение 1 в настоящем издании), по которой можно с незначительной погрешностью судить о том, как складывался русский литературный канон XVIII и XIX столетий. В рамках вступительной статьи невозможно описать его институциональную историю во всех подробностях. Мы ограничимся лишь несколькими сюжетами, связанными с механизмами и практиками канонизации текстов, которые попали в школьный обиход.

Начальный этап «хрестоматизации» образцовых русских сочинений «в стихах и прозе» описан в главе А. Сенькиной. Автор убедительно показывает, как в 1800–1830-е гг. из потребности преподавать русскую словесность в гимназиях вырастает такой жанр, как «русская хрестоматия». Симптоматично, что на немецком языке хрестоматии по русской словесности появились на семь лет раньше, когда в Риге вышла книга Й. Гайма “*Russisches Lesebuch oder Auswahl auserlesener prosaischer und poetischer Aufsätze aus den besten Russischen Schriftstellern*” (см. о ней: [Исаков: I,

⁴ См., например: [Камков; Алешинцев; Скафтымов; Черепанов; Исаков; Чертов; Лоскутова; Brooks; Byford].

⁵ В 1950-е гг. для программ и пособий по русскому языку, часто включавших и программы по словесности, был составлен подробнейший указатель [Указатель]. В 2009 г. А. Сенькина опубликовала библиографические указатели книг для чтения и хрестоматий для начального обучения [Сенькина].

26–27]). Предлагая немецкоязычным гимназистам сочинения Сумарокова, Карамзина, Фонвизина, Державина, Хвостова, Богдановича и Дмитриева, Гайм «транслировал на экспорт» (хотя и внутри империи) едва ли не первый сколок «литературного канона» XVIII века.

На протяжении 1820–1830-х гг., как показывает А. Сенькина, практика составителей хрестоматий (Н. Греча, В. Золотова, И. Пенинского, В. Эртеля, И. Павловского, В. Рклицкого и др.), строго не регламентированная никакими образовательными стандартами, которых тогда просто не существовало, привела к возникновению особой сферы бытования литературных текстов. Очевидно, что с разрастанием этой сферы увеличивался ее символический и социальный статус, равно как и статус произведений, попадавших в нее (о социологическом измерении школьных списков по литературе см. [Guillory 1995]). Детальный анализ хрестоматий 1820–1840-х гг. в главе А. Сенькиной и составленная нами база данных наглядно демонстрируют, что к 1843 г. (выход первого издания хрестоматии А. Д. Галахова) уже сложился круг «хрестоматийных» авторов, обязательно входивших в каждую книгу: К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, А. А. Дельвиг, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, М. В. Ломоносов, А. Ф. Мерзляков, А. С. Пушкин. Лидерами по частоте вхождения в этот период оказываются Ломоносов, Державин и Дмитриев, составляющие ядро канона XVIII в., который во второй трети XIX в. будет заметно потеснен авторами «золотого века» — Жуковским, Батюшковым, Пушкиным, Баратынским, Гнедичем.

Таким образом, к концу 1840-х гг., когда чиновники от просвещения стали задумываться о создании единой программы по русской словесности школ для всех типов, базовый список авторов и текстов был подготовлен предшествующим отбором и задан реальной практикой преподавания. Однако инициатива создания первой официальной ведомственной программы на рубеже 1840–1850-х гг. исходила отнюдь не из Министерства народного просвещения, как можно было бы предполагать, а из ведомства военно-учебных заведений, начальником и идеологом которых был Я. И. Ростовцев (см.: [Скафтымов: 168–169]). Такой программой стал «Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях...», подготовленный А. Д. Галаховым и Ф. И. Буслаевым по заданию Ростовцева в 1850–1851 гг. и изданный в 1852 после публичных дебатов (см. подробности в мемуарах Галахова [Галахов: 290–304]). Именно в этом методическом пособии впервые в русской педагогической практике учителям и учащимся предлагался не только список образцовых авторов, но и список их текстов, распределенный по годам обучения в соответствии с уровнем

сложности. Чтение в приготовительном и первом классах начиналось с басен Крылова и Дмитриева, а завершалось в четвертом и первом специальном классах разбором «Бориса Годунова» Пушкина, повестей Гоголя и «Горя от ума» Грибоедова [Галахов, Буслаев: 8–9, 38, 58, 65]. Так внутри программы для военно-учебных заведений складывался тот канон, который лег в основу всех последующих гимназических и даже университетских программ Министерства народного просвещения, появившихся лишь в 1860–1870-е гг. В мемуарах, написанных в 1870-е гг., Галахов подчеркивал это обстоятельство с особенной гордостью⁶ [Галахов: 299]. Воспоминания Галахова, как и всякие мемуары, требуют критического анализа, однако для нас сейчас важно само указание на связь между созданием первой программы по литературе и военно-учебными заведениями. Как представляется, корреляция эта далеко не случайна.

Дело в том, что именно с деятельностью Министерства государственных имуществ, Генерального штаба (где служил Я. Ростовцев) и Морского министерства связаны важнейшие модернизационные процессы, архитекторами и движущей силой которых были либеральные бюрократы. Их имплицитная идеология в 1840–1850-е гг. предполагала системное изучение всех сторон жизни империи (каталогизация, переписи и пр.) и преодоление технологической отсталости страны в самых разных сферах (с ориентацией на европейские образцы), стандартизацию законодательства и унификацию процессов управления⁷. Либерализация и гуманизация военного образования, проводимые Я. И. Ростовцевым и великим князем Константином Николаевичем, потребовали тесного сотрудничества чиновников с педагогами-литераторами и университетскими профессорами⁸. Близкие контакты Галахова и Буслаева с либеральной бюрократией и создание первой программы по литературе, таким образом, представляются глубоко закономерными⁹.

Издательский и педагогический бум 1840-х гг. по публикации новых хрестоматий сменился в 1850-е гг. относительным «затишьем», связанным с регламентацией выпуска новых пособий и монополизацией их государ-

⁶ Ср. также еще более яркое изложение событий 1850–52 гг. в письме Галахова к М. Ф. Де-Пуле 1862 г. [Фомин: 216–218]. Здесь Галахов подчеркивает, что Министерство народного просвещения воспользовалось позже его «Конспектом», ни разу на него не сославшись.

⁷ См. об этом: [Lincoln; Лоскутова 2012].

⁸ См. детальное, хотя и чересчур идеологизированное изложение педагогических реформ 1848–1852 гг. и роли Галахова у Скафтымова [Скафтымов: 168–173].

⁹ Ср. покровительство великого князя Константина Николаевича славянофилам, издание собрания сочинений Гоголя и «литературную экспедицию» в 1850–1856 гг.

ственными ведомствами (см. подробнее: [Скафтымов: 173–178]). Так, в 1851–1852 гг. Министерство народного просвещения, вслед за военно-учебными заведениями, выпустило свой учебник «Теория словесности», рекомендованный как главное пособие для гимназий. В качестве основной хрестоматии предписывалось использовать «Книгу для чтения и упражнения в языке» Ивана Пенинского [Сборник постановлений-3: Штаты и приложения, 79]. Если в 1840-е гг. вышло как минимум восемь разных авторских хрестоматий и книг для чтения, то за все 1850-е гг. нам удалось обнаружить лишь одно новое пособие А. Черешевича — «Книга для чтения и переводов с русского языка на немецкий» (Ревель, 1857). Книгой, регулярно перепечатываемой в 1850-е гг., оставалась «Русская хрестоматия» Галахова, которая выдержала в это десятилетие четыре переиздания (1852–1859), дополненные новыми текстами. Особый статус и рекордно большое число перепечаток его хрестоматии заставляют рассмотреть случай Галахова подробнее.

3.

В своих поздних воспоминаниях «История одной книги» Галахов мифологизировал одни обстоятельства¹⁰ создания «Русской хрестоматии» 1843 г., а другие и вовсе опустил. До сих пор нам неизвестна ни цензурная, ни «экономическая» история книги, да и отличия сорока ее изданий (1843–1918) друг от друга никогда не описывались. Между тем еще А. П. Скафтымов указал, во-первых, на французские и немецкие образцы хрестоматии и принципов ее составления, которые послужили ориентиром для русского педагога, а во-вторых, на его полемику с С. П. Шевыревым как на ключ к пониманию «разрыва» с предшествующей традицией [Скафтымов: 157–159]. Ориентация Галахова на тексты, написанные литературным языком современности (1810–1840-х), повлекла за собой первое в истории русских хрестоматий радикальное обновление репертуара. Доля текстов XVIII в. была снижена, а высвободившееся место предоставлено авторам-современникам: Гоголю (20 отрывков), Давыдову (5), Дельвигу (9), Ершову (1), Ключникову (1), Кольцову (9), Красову (1), Лажечникову (4), Лермонтову (11), А. Майкову (8), Н. Огареву (2), В. Одоевскому (2), И. Панаеву (2), Подолинскому (2), Полежаеву (2), Пушкину (58), Соллогу-

¹⁰ Так, например, Галахов утверждал, что он впервые многообразно представил творчество Пушкина русскому школьнику, что не соответствовало действительности. См. об этом: [Вдовин, Лейбов].

бу (1), Струговщикову (3), А. Фету (8), Хомякову (3), Языкову (11) — всего около 400 текстов (или отрывков из них). Это беспрецедентное для того времени количество (ср. приводимые в статье А. Сенькиной данные о количестве текстов в 1810–1830-е гг. — около 200) оказывается еще более впечатляющим, если учесть, что в 1844 г. Галахов выпустил «Русскую хрестоматию для детей» (в дальнейшем — «Книга для чтения и практического изучения отечественного языка»), которая также выдержала восемь изданий (1844–1861, 8-е — 1910) и содержала еще около 60 текстов и отрывков, лишь частично повторявших «взрослую» версию.

Начиная с 1844 г. Галахов регулярно вплоть до своей смерти переиздавал «Русскую хрестоматию». Представление о тиражности и доходности этого предприятия дает неопубликованное письмо педагога Краевскому 30 мая 1847 г., в котором Галахов с гордостью называет три свои хрестоматии («Детскую, Полную и Историческую») «второй службой, капиталом». Московский учебный округ ежегодно заказывал автору «до тысячи экземпляров». Как следует из письма, Галахов быстро осознал, что востребованные учебные книги выгоднее не продавать книготорговцам, а издавать самому, если они уже имеют успех. Так, к 1847 г. «Полной русской хрестоматии» «разошлось уже 1600 экземпляров» (из тиража 3600)¹¹. Если задаться такой целью, то можно подсчитать, каким суммарным тиражом вышло 40 изданий хрестоматии Галахова за более чем 70 лет. Автор уже в 1847 г. понимал, что в его руках находится капитал — не только символический, но и способный всю жизнь приносить стабильный доход. В этом заключается одна из причин того, что составитель тщательно редактировал почти каждое новое переиздание, исключая устаревшие и добавляя в него новые популярные тексты. Поскольку полное обследование всех исправленных изданий чрезвычайно трудоемко, ограничимся лишь общим обзором и несколькими примерами.

Первые два издания хрестоматии включали две части («Красноречие» и «Поэзия»), причем произведения в них располагались по жанровому принципу. С 1849 по 1859 книга выходила уже в трех частях (красноречие; поэзия; в третью были отнесены историко-литературные примечания). С 1861 г. Галахов вернулся к двухтомному формату («Проза» и «Поэзия»), в таком виде хрестоматия выходила неизменно до 1918 года. Все издания со 2-го по 6-е (1844–1853), как и 8–11-е (1861–1866) подвергались существенной переработке. Два этих временных промежутка в точно-

¹¹ Письма А. Галахова к А. А. Краевскому // ОР РНБ. Ф. 391. № 261. Л. 36, 37об.–38.

сти совпадают с периодами наибольшей педагогической активности в России, сопровождавшейся хрестоматийным «бумом».

Постоянная работа Галахова над своей хрестоматией, включение и исключение текстов указывают на то, что непрерывно меняющийся состав, с одной стороны, отражал некоторый устоявшийся канон и консенсус, а с другой стороны — становился отражением литературной моды: актуальные и злободневные тексты современных авторов быстро попадали в хрестоматию, но не всегда надолго в ней задерживались. Так, в период с 1844 по 1866 гг. в хрестоматию были впервые включены: И. Аксаков, С. Аксаков, Гончаров, Григорович, Грот, Мей, Некрасов, Никитин, Писемский, Полонский, А. К. Толстой, Л. Толстой, Тургенев, Тютчев, Щербина, Белинский, Боткин, Анненков. Расширяется состав текстов уже представленных в предыдущих изданиях авторов: Гоголя, Грибоедова, Крылова, Лермонтова, Майкова, Полежаева, Пушкина, Соллогуба, Хомякова. Весьма примечательно, что о некоторых авторах невозможно сказать, увеличивается или уменьшается их присутствие. Таковы Батюшков, Жуковский, Фет, Языков. Связано это с тем, что количественно они могут оставаться на стабильном прежнем уровне, но репертуар их текстов Галахов существенно корректировал (под воздействием разных факторов), создавая специфический образ их творчества. Так произошло, например, с Фетом, прихотливая судьба текстов которого в различных русских хрестоматиях освещена в главе Л. Пильд в настоящей монографии. К концу XIX в. «школьный» Фет оказался оптимистом и певцом природы; его символические и импрессионистические стихотворения были вытеснены из школьного обихода. Можно с уверенностью предполагать, что сходные процессы «банализации» и упрощения претерпела на протяжении XIX в. и поэзия Жуковского, и Батюшкова, и Языкова¹².

К 1866 г. количество сочинений некоторых авторов было существенно сокращено, а некоторые имена были и вовсе исключены из хрестоматии Галахова. Так, значительно уменьшилось представительство Баратынского, Державина, Дмитриева, Загоскина, Плетнева, Хемницера, что вполне объяснимо как их отдаленностью от бурной эпохи великих реформ, так и сложностью их поэтического языка. Наконец, к началу 1870-х гг. исчезают политический эмигрант Огарев, Ознобишин, И. Панаев, Подолинский, Раич, Сенковский, Сумароков, Шевырев.

¹² О «стерилизации» школьной программы к концу 1860-х гг. и об исключении социальной проблематики см. в статье Скафтымова [Скафтымов: 223–225], который подробно разбирает консервативную позицию Галахова середины 1860-х гг.

Таким образом, подвижность состава галаховской хрестоматии зеркально отражает и «застывание» ядра канона к 1860-м гг., и непрерывный процесс его пополнения, осуществляемый автором вплоть до своей смерти.

4.

Либеральная атмосфера реформ 1860-х гг., привела ко второму «хрестоматийному» буму 1860–1866 гг. В это время в России шел процесс постепенной институционализации школьной педагогики как автономного поля [Wyford: 639–641], а внутри нее — методики преподавания литературы. Педагогические дискуссии конца 1850-х – начала 1860-х гг., в которых участвовали такие выдающиеся педагоги, как Ушинский, Стоюнин, Водовозов и Острогорский (см. [Скафтымов: 185–198]), происходили одновременно с критическими полемиками о «новой классике». Именно на конец 1850 – начало 1860-х гг. приходится окончательная канонизация «золотого», «пушкинского века» русской литературы, протянувшегося до 1852 г. — смерти Жуковского и Гоголя¹³. Эта рубежная черта подвела итог одной литературной эпохе и стала предпосылкой для второй волны канонизации, коснувшейся литературы 1840–50-х гг., т. е. современной прозы и поэзии. Не случайно поэтому в заголовках хрестоматий 1860-х гг. впервые появляется слово «историческая» (ср. «Историческую хрестоматию нового периода российской словесности» Галахова, 1861, или «Русскую историческую хрестоматию» К. Петрова, 1866). Это понятие маркировало разрыв эпох и указывало на то, что первая треть XIX столетия воспринималась теперь как «история», а современность требовала включения большого числа новых текстов и авторов¹⁴.

За 1860-е гг. вышло более десятка новых хрестоматий, авторы которых учли возросшее значение современной словесности и наполнили свои книги текстами популярных авторов — Некрасова, Тургенева, Гончарова, Грекова, Погосского, Григоровича, Никитина, И. Аксакова, Кохановской и многих других. В главе М. Макеева и К. Герасимовой демонстрируется, как новая, демократическая образовательная политика рубежа 1850–60-х гг. способствовала популяризации в школьном обиходе стихотворения Некрасова «Школьник». Его герой, босоногий мальчик, стремящийся к зна-

¹³ См. об этом подробнее: [Лану].

¹⁴ Ср., например, статью составителя хрестоматий и учебников истории словесности К. Петрова, который предлагал полностью обновить пособия, сделав акцент на литературе от Пушкина до Достоевского [Петров].

ниям, может служить символом еще одного процесса, набиравшего силу в эти годы.

Важнейшей характеристикой школьных хрестоматий этого периода стало существенное расширение их целевой аудитории: в нее впервые так широко волились самые маленькие читатели (начальная школа) и крестьянские дети. Смена социальных и возрастных акцентов привела к созданию двух книг, повторивших судьбу хрестоматии Галахова, но для иной аудитории. «Галаховым» для детей младшего возраста стал К. Ушинский (1861): его «Детский мир» и «Родное слово» (1864) очень быстро вытеснили многих конкурентов (в том числе, и детскую хрестоматию Галахова, которая после 1861 г. долго не переиздавалась) и выдержали огромное количество переизданий, успешно пережив революцию и обретя новую жизнь в СССР¹⁵.

Один из примечательных эпизодов, иллюстрирующих подход Ушинского и его коллеги Модзалевского к отбору текстов для «Родного слова», рассматривается в главе А. Ю. Балакина о квази-пушкинском стихотворении «Вишня». Как убедительно показывает исследователь, именно усилиями Ушинского дубиальный текст поэта, досочиненный педагогом, приобрел широкую популярность и породил у поколений читателей уверенность в авторстве Пушкина.

Плюрализм хрестоматий и программ 1860-х гг. был вскоре сведен на нет Министерством народного просвещения во главе с графом Д. А. Толстым, подготовившим очередную консервативную реформу (1872 г.). Унифицированная программа оканчивалась теперь Гоголем и Лермонтовым [Учебные планы 1872: 76–82]. Маркировав тем самым «ядро» канона и вычеркнув современную литературу, которая начала было в него проникать в 1860-е гг., Министерство, конечно, не остановило вхождения текущей словесности в школьный обиход, хотя и затруднило его. Количество вышедших в 1870–1880-е гг. хрестоматий и книг для чтения продолжало неуклонно расти, варьировались и возрастной уровень, и этническая принадлежность их предполагаемых читателей (ср., например, пособия для остзейских или татарских школьников в Приложении 1 в настоящем издании). Следующая министерская программа, 1890 г., принципиально не изменила положения: изучение литературы в школе обрывалось на Кольцове, Лермонтове и Гоголе [Учебные планы 1890: 36]. Поскольку разрыв с современной словесностью становился все ощутимее, учительское и профессорское сообщество в конце 1890 – начале 1900-х гг. инициировало широ-

¹⁵ О концепции книг для чтения Ушинского см. недавнюю работу: [Лескинен].

кое публичное обсуждение вопроса о радикальном расширении программы. Оно привело, наконец, к новой редакции 1905 г. В нее вошла вся «современная словесность» — Тургенев, А. Толстой, Л. Толстой, Гончаров, Островский, Достоевский, Мей, Некрасов [Учебные планы 1905: 139–140]. Нет нужды говорить, что реальное содержание хрестоматий к началу 1900-х гг. было гораздо шире, чем предписывала скорректированная программа: в них входили Чехов, Короленко, Горький, Апухтин, Гаршин, К. Р., Григорович, И. Суриков, Писемский и даже С. Фруг и К. Фофанов.

5.

Из 108 хрестоматий, вошедших в предлагаемую читателям настоящей книги базу данных, 27 (25%) были изданы в Остзейских губерниях Российской империи. По сравнению с иными «западными окраинами», это достаточно высокий процент, чтобы он оказался случайным. Большое количество пособий по литературе и долгая история их бытования в Остзейском крае позволяют поставить вопросы, выходящие за пределы истории преподавания русского языка и литературы в регионе (см. об этом фундаментальный труд: [Исаков: I–II]). Нас интересует, как транслировался имперский школьный канон литературы из центра (Москвы, Петербурга) на периферию империи, да еще в такие особые окраины империи, как «западные»¹⁶. Столь же интересен вопрос, существуют ли какие-либо региональные и ситуативные особенности отбора текстов в хрестоматиях прибалтийских губерний, отличаются ли они по тематическому и авторскому репертуару от хрестоматий в имперском центре. Ответить на эти вопросы пока можно лишь в первом приближении, насколько это позволяет собранный материал.

Специфику образовательной ситуации и политики в Прибалтийских губерниях первой половины XIX в. задавало немецкоязычное население. Первые хрестоматии по русскому языку и литературе для немецкоязычных школьников появились во второй половине 1800-х и 1810-е гг. (список см. в Приложении 1 в настоящем издании), еще до введения обязательного гимназического преподавания на русском языке в 1820 г. [Исаков: I, 16–17]. Процесс внедрения шел, как известно, медленно и приносил весьма скромные результаты, на что жаловались остзейские чиновники, инспектора и попечители на всем протяжении 1820–1840-х гг. [Там же: 20–39]. Характерно, что главной причиной провала такой прото-русификаторской

¹⁶ См. новейшие исторические работы о процессе интеграции и русификации «Западных окраин»: [Долбилов; Staliunas; Западные окраины].

политики в регионе ее участники считали преудубеждение, которое образованное немецкое население имело к русской культуре. Так, профессор русского языка и словесности Дерптского университета М. Розберг в рапорте попечителю округа 1837 г. объяснял нежелание учить русский тем, что «на русском языке нечего читать» [Исаков: I, 23]. На это же высокомерное отношение немцев к России, которую они привыкли видеть «во младенческом состоянии», указывал министр народного просвещения С. С. Уваров во всеподданнейшем докладе императору [Там же: 48]. Можно утверждать, что первенство именно Остзейских провинций в появлении литературных хрестоматий объясняется не только элементарной потребностью образования на русском языке. Культурная и образовательная политика в прибалтийских губерниях предполагала более привлекательную репрезентацию русской литературы уже на уровне учебных пособий. Но как можно было доказать немецкоязычному читателю, уже имевшему свою «классику» в лице Клопштока, Гете, Шиллера и Виланда, что русская словесность располагает не менее именитыми сочинителями?

С 1805 по 1842 гг. для школ Остзейского края вышло как минимум восемь хрестоматий (см. Приложение 1 в настоящем издании; [Исаков: I, глава 1–2]), притом что общее количество подобных книг, изданных на территории империи, равнялось 18. Такой высокий процент отражает не только культурный уровень местного немецкого населения, но и усилия имперского центра, направленные на культурную интеграцию западных провинций вообще и на трансляцию русского литературного канона, в частности. Однако если взглянуть на количество *текстов* в хрестоматиях, изданных в столицах, и в книгах, предназначенных для Остзейских провинций, становится ясно, что количественно лидировал «центр». Так, общее число текстов (фрагментов) во всех известных нам хрестоматиях 1805–1842 гг. составляет 1253. Из них только 163 приходится на книги для прибалтийских губерний. Причины понятны: элементарный уровень владения языком не предполагал больших объемов и разнообразия чтения.

Что касается качественного — персонального и тематического — состава, то канон на периферии оказывался гораздо более консервативным, чем в центре. Причины консервации заключаются как в удаленности авторов-составителей от актуальной литературной жизни Петербурга и Москвы, так и в их желании представить немецкому читателю наиболее проверенные временем образцы российской словесности. «Застывший список» остзейских хрестоматий (1805–1842) включает тексты следующих русских писателей (первая цифра указывает на число вхождений в остзейские, а вторая — в русские, московские и петербургские, хрестоматии):

И. Дмитриев (20/69)
 Карамзин (17/39)
 Крылов (21/63)
 Хемницер (14/16)
 Державин (13/48)
 Жуковский (9/76)
 Пушкин (5/30)
 Козлов (4/8)
 Кукольник (4/0)
 Ломоносов (4/24)

Также в остзейских хрестоматиях обнаруживаются Батюшков, Бенедиктов, Булгарин, Ф. Глинка, Загоскин, Богданович и др., представленные единичными вхождениями. Примечательно, что отсутствовали в нем такие авторы, как Дельвиг, Капнист, Мерзляков, Озеров, Розен, Шаховской, Языков, Хомяков. В то же время в составе остзейских хрестоматий впервые в российской школьной практике появились Бенедиктов и Кукольник (оба — в хрестоматии И. Павловского 1842 г.). Лектор русского языка в Дерптском университете И. Павловский¹⁷ в 1838 г. также впервые в XIX в. включил в свою хрестоматию начало поэмы Пушкина «Цыганы», а в издание 1842 г. — отрывок из третьей песни «Полтавы».

В период с 1843 по 1860 гг. в Остзейских губерниях вышло лишь три хрестоматии (все — в Ревеле) — Ф. Святного, Черешевича (1857) и С. Шафранова и И. Николича (1860). На них приходится всего 394 текстов из 1945. Очевидно, что выборка вошедших в состав авторов и текстов была намного более скудна, нежели в столичных пособиях. Несмотря на это хрестоматии Святного и Шафранова оказались примечательны тем, что их авторы, не стесненные жесткими министерскими требованиями, экспериментировали с содержанием и включали в состав своих книг тексты, до этого не входившие в школьный обиход.

Так, в 1860 г. Шафранов и Николич попытались существенно расширить корпус пушкинских текстов. Они включили в свою «Русскую хрестоматию» (Ревель, 1860–1865) 15 произведений, из которых четыре с тех пор более никогда не попадали в школы («Война», «Дорожные жалобы», «Заклинание», «Из записок бригадира Моро де Бразе»), а 11 дошли до школьников впервые («Буря», «Дон», «Муза», «Наполеон», «Письмо о смерти Дельвига», «Отрок», «Послание Дельвигу», «Румяный кристик мой...», «Сто лет минуло, как тевтон...», «Узник» и «Телега жиз-

¹⁷ О Павловском и судьбе его книги см.: [Исаков: I, 91–93].

ни»). Особенно показательны здесь «Узник», совсем не популярный в до-революционной школе, и, конечно, неожиданная в педагогическом контексте «Телега жизни».

То же самое относится и к другим писателям. Например, Шафранов и Николитч впервые включили в состав хрестоматий такие тексты, как «Дорога жизни» и «Елизийские поля» Баратынского; «Валерик», «Весна» («Когда весной разбитый лед...»), «Желание», «Измаил-бей», «Пленный рыцарь» и «На севере диком...» Лермонтова; «Есть в осени первоначальной...», «Смотри, как роща зеленеет...» Тютчева. Ф. Н. Святой в 1846 г. также впервые ввел в список хрестоматийных текстов стихотворения «Весна, весна, как воздух чист...», «Две доли», «Череп» и «Последняя смерть» Баратынского. На фоне этих экспериментов выделяется малое количество или полное отсутствие текстов такого автора, как Гоголь: лишь один отрывок предлагался школьникам в хрестоматии Святого (1848), тогда как в московских и петербургских пособиях частотность гоголевских текстов или отрывков из них уже давно была гораздо выше.

Особый интерес с точки зрения трансляции канона представляет следующий исторический период, который мы условно ограничиваем 1861–1905 гг. и который связан с более ярко выраженной русификаторской политикой в Остзейском крае. В этот период в регионе вышло более 15 хрестоматий, причем примерно половина из них была предназначена уже для эстонцев и рассчитана на начальное изучение русского языка. Это условие определило отбор текстов — незамысловатых и простых, в основном, маленьких стихотворений и басен. При этом именно в 1860–1880-е гг. радикально расширяется авторский репертуар остзейских хрестоматий: в него входят И. Аксаков, С. Аксаков, Н. Берг, В. Боткин, Гоголь (количество текстов расширяется), Гончаров, Греков, Григорович, Даль, Достоевский, Жадовская, Алексей Жемчужников, К. Р., И. Киреевский, Кольцов, Кохановская, Майков, С. Максимов, Л. Мей, Минаев, Некрасов, Никитин, Огарев, Одоевский, И. Панаев, Мельников-Печерский, Плещеев, Погосский, Суриков, А. Толстой, Л. Толстой, В. Туманский, И. Тургенев, Ушинский, Фет, Хомяков, Цыганов, Языков.

Можно предполагать, что расширение круга включаемых авторов до уровня столичной — московской и петербургской — полноты свидетельствует о том, что составители мыслили остзейских школьников как полноправную часть единого имперского тела и, значит, представляли их способными читать по-русски тексты любого уровня сложности (например, Достоевского и Толстого). Эта педагогическая практика была, конечно же, результатом русификаторской политики. Если в предшествующий

период обнаружить явное присутствие идеологии в остзейских школьных хрестоматиях затруднительно, то в 1870–80-е гг. она проникает даже в книги для первоначального чтения. Так, в 1870 г. государственный гимн Жуковского «Боже, царя храни» впервые появляется в остзейских хрестоматиях. Впервые мы находим его в эстоноязычной «Русской азбуке для эстов» П. Михкельсона, и с тех пор гимн регулярно перепечатывается еще в пяти остзейских хрестоматиях (Хаага, Нигголя, Реймерса, Линденберга, Поска). В ядре империи происходит то же самое — гимн возникает в пяти хрестоматиях (Козьмина, Баталина, Шафрова, Голикова и Поливанова), подробнее об этом пишет Л. Н. Киселева в соответствующей главе настоящего издания.

Однако можно привести обратный пример — того, как составители периферийных хрестоматий старались поставить под сомнение нарратив «большой русской нации», противопоставив ему идею имперского многообразия. Так, учитель русского языка Ревельской гимназии, молодой педагог-экспериментатор Е. В. Козин (см. о нем: [Исаков: II, 158–162, 168–172]) в серии своих хрестоматий 1874–1881 гг. попытался представить школьникам самые разные уголки империи, что не было характерно для московских и петербургских пособий. Идея Козина заключалась в том, что изучение литературы должно быть не целью, а лишь инструментом для познания России, ее быта, нравов, преданий и истории. Выборка текстов и авторов у Козина указывает на то, что он понимал Россию скорее этнографически — как империю, населенную многочисленными народами и располагающуюся в разнообразных географических и ландшафтных зонах.

В итоге, Россия предстала в цикле хрестоматий Козина для разных классов как многонациональная империя, которая включает Малороссию (Гоголь «Украинская ночь» из «Майской ночи», «Южнорусская степь» из «Тараса Бульбы»; В. Пассек «Украинская ночь»; А. К. Толстой «Малороссия»; Фет «Украинская ночь»; Хомяков «Киев»; Пушкин «Украинская ночь» из «Полтавы»), Кавказ (Лермонтов «Утро в Пятигорске» и «Лошадь кавказца» из «Героя нашего времени», «Кавказ»; Пушкин «Делибаш», «Тифлис» и «Грузия» из «Путешествия в Арзрум»); Эстляндию и Финляндию (Батюшков «Картина Финляндии», Буларин «Церковь Олафа в Ревеле», О. Копп «Ревель»), различных инородцев Сибири (Ушинский «Камчадалы», «Эскимосы»). Кроме того, в хрестоматии содержались тексты, отражающие взгляд русских путешественников на представителей иных народов (Гончаров «Смерч» из «Фрегата “Паллада”»; Григорович «Похороны на корабле» (из «Корабля “Ретвизан”»; Пл. Радонежский «За границей»). Наконец, идея «русскости» отража-

лась в традиционном для имперских хрестоматий наборе: С. Аксаков «Берега Волги», Загоскин «Вид Москвы с Воробьевых гор», Карамзин «Весна в России», И. Панаев «Московский Кремль вечером», Лермонтов «Восход солнца над Москвою» (из «Песни про царя Ивана Васильевича...») и др. Примечательно, что хрестоматии Козина были рекомендованы Министерством народного просвещения для училищ и гимназий Остзейских губерний.

Мы проследили лишь главные черты и тенденции в истории остзейских хрестоматий, не претендуя на исчерпывающее описание, которое потребует тщательного сопоставления с составом и репертуаром «центральных» имперских пособий.

6.

Хрестоматии и книги для чтения, опубликованные в XIX в., несомненно, дают возможность достаточно достоверно судить о статистическом составе школьного канона и его эволюции. Остановимся лишь на одном аспекте — хронологии и частотности представленных в книгах для чтения текстов¹⁸.

Очевидно, что ядром поэтического канона достаточно рано становится «золотой век» русской литературы, пушкинская эпоха; этот вывод следует из простой статистики учтенных в базе данных текстов: из 10473 описанных вхождений на пятерых возглавляющих частотный список авторов приходится 4505 текст (43 % вхождений различных текстов в школьный обиход). Среди них Пушкин — 1577 вхождений, Крылов — 1126, Жуковский — 862, Лермонтов — 563 и И. Дмитриев — 377). Все эти авторы — современники Пушкина, старшие и младшие. Если добавить к ним неплохо представленных в хрестоматиях Вяземского, Баратынского, Батюшкова, Тютчева, Языкова и других поэтов, дебютировавших в начале столетия, центральное положение «золотого века» станет еще более очевидным.

Если же говорить об отдельных поэтических текстах, то наиболее частотными в школьном обиходе XIX в. оказываются следующие (в скобках указано количество вхождений):

«Песнь о Вещем Олеге» Пушкина (49)

«Песня пахаря» и «Что ты спишь, мужичок?» Кольцова (по 44)

«Казачья колыбельная» Лермонтова (39)

«Бесы» Пушкина (35)

¹⁸ Приносим благодарности М. Хандрыкину и К. Орлову за техническую помощь в обработке данных.

- «Осел и соловей» Крылова (34)
- «Квартет» Крылова (31)
- «Лесной царь» Жуковского и «Лебедь, рак и щука» Крылова (по 30)
- «Сельское кладбище» Жуковского (29)
- «Кто он?» Майкова и «Бог» Державина (по 28).

Обратим внимание на то, что этот список выходит за пределы «золотого века» русской поэзии и включает стихотворения Кольцова, Лермонтова и Майкова. Легко заметить, что выбор текстов, разбираемых во второй части предлагаемой читателю монографии, был предопределен (но не ограничивается) именно самыми частотными для школьного обихода XIX в. стихотворениями. Монографические главы посвящены «Песни о Вещем Олеге», «Что ты спишь, мужичок?» и «Кто он?»¹⁹. В то же время нам кажется методологически важным не сводить школьный поэтический канон позапрошлого столетия к списку самых частотных текстов, но и проблематизировать его периферию.

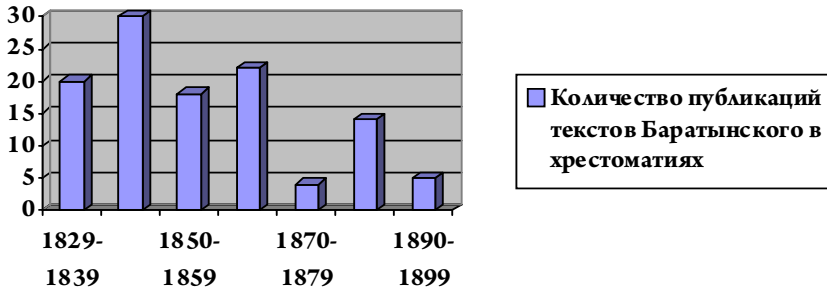
Тексты многих русских поэтов зачастую входили в книги для чтения еще при жизни авторов и закреплялись там, кочуя из хрестоматии в хрестоматию²⁰ (одни надолго, другие — эпизодически). Однако даже в периферийной своей части школьный канон оказывается важным механизмом репликации, способствующим сохранению текстов в культурной памяти. В этом отношении важно проследить за тем, как были представлены в школьном чтении «периферийные» авторы пушкинской поры: относительно небольшой объем позволяет сформулировать на этом материале некоторые гипотезы, которые затем могут быть проверены на других авторах.

Приведем один пример. Закрепленная в советском фильме о школьниках и учителях коллизия «второстепенности» Баратынского находит подтверждение уже в школьной практике XIX в.: по частоте появления в хрестоматиях Баратынский находится в нижней половине частотной таблицы, между Державиным и Ломоносовым. Однако представление о «забытом Баратынском», до сих пор встречающееся в литературе, не находит подтверждения. Тексты поэта появились в школьных книгах для чтения еще при его жизни (34 публикации в восьми хрестоматиях 1829–1844 гг.) и сохранялись там до конца столетия: 25 вхождений в 6 хрестоматиях 1845–1855, 33 публикации в 10 книгах 1856–1875, 21 публикация в 16 издани-

¹⁹ О фольклоризации и «хрестоматизации» «Казачьей колыбельной» Лермонтова см.: [Головин].

²⁰ Механизм трансляции текстов из одного учебного пособия в другое очень важен для этого типа изданий, особый размах он приобретает во второй половине столетия. Тексты при этом могут терять авторство и подвергаться трудно отслеживаемым трансформациям, что делает возможным сопоставление традиции в школьных книгах для чтения и фольклорной трансляции.

ях 1876–1900 гг. При условной периодизации по декадам это дает следующую картину:

Как видим, стихотворения Баратынского не исчезают из школьного обихода и в самые «антипоэтические» эпохи, в шестидесятые годы даже наблюдается нечто вроде посмертной канонизации поэта; потом, впрочем, эта тенденция прерывается и количество текстов падает. Существенное, однако, другой вопрос: каким представал Баратынский перед начинающими читателями XIX в.? Сразу следует отметить постепенное выпадение из школьного канона Баратынского-эпиграмматиста (что объясняется отчасти изменением структуры и задач книг для чтения, переставших ориентироваться во второй половине века на тип жанровой антологии).

Что касается наиболее часто представленных в хрестоматиях стихотворений Баратынского, то иерархия здесь такова (мы включили в рассмотрение и издания начала XX в.):

на первом месте — соединяющая импульсы «описательной» поэзии с мотивами «исторической» и «медитативной» элегии «Финляндия» (1820²¹; 12 публикаций с 1829 до 1909 г.);

далее следуют «Истина» — аллегорическая моральная медитация (1824); и «На смерть Гете» (1833). Оба текста были включены в хрестоматии 1843–1912 гг. (по 10 публикаций);

с 1843 по 1894 г. в хрестоматии для младшего и среднего возрастов включается стихотворение «Где сладкий шепот...» под заглавием «Зима» (1835; 9 вхождений);

по шесть раз попадают в школьные книги для чтения «Мадонна» (1835; 1846–1880), «Рим» (1824; 1843–1888) и «Осень» (1837; 1846–1905).

²¹ Здесь и далее приводятся годы публикации стихотворений Баратынского.

Как видим, ядро индивидуального корпуса «хрестоматийного Баратынского» оформляется еще при жизни поэта и демонстрирует примечательную устойчивость²².

Разумеется, составители хрестоматий руководствовались не только ориентацией на эпоху, освященную именем стремительно канонизированного Пушкина. С одной стороны, список наиболее частотных в педагогической практике позапрошлого столетия авторов и текстов (см. Приложение 2 в настоящем издании) демонстрирует очевидную и не нуждающуюся в комментариях ориентацию «школьных» текстов на полюс чистой наррации. Это — «балладность», диктующая выбор многих пушкинских и лермонтовских текстов с предпочтительной дидактичностью рассказа, и «басенность», определяющая не только высокий удельный вес Крылова в хрестоматийном корпусе, но и устойчивое вхождение в него И. Дмитриева, Хемницера и даже А. Измайлова. С другой стороны, школьная дидактика определяет и установку на дескриптивность. Наиболее характерны в этом отношении «календарно-пейзажные» фрагменты из «Онегина» и выбор текстов Фета и Тютчева.

Еще одна очевидная тенденция отбора текстов восходит к 1850-м гг. и не исчезает до конца столетия: она связана с трансформацией системы школьного образования и с идеологической подоплекой школьной реформы (см. об этом в главе М. Макеева и К. Герасимовой в настоящем издании). Речь идет о включении в пособия текстов стихотворений с сюжетами «из народной жизни» (трактующих тему в современном или историческом аспекте) и вообще о высоком удельном весе «русской темы» (определенно превалирующей над официальной «имперской»). В этом отношении показательно устойчивое вхождение в хрестоматии не только стихотворений Огарева и Кольцова, но и Никитина, а также «русских песен» Дельвига и Цыганова.

²² Возвращаясь к фильму «Доживем до понедельника» (1968, реж. С. Ростоцкий, сценарий Г. Полонского), отметим, что процитированное там «Признание» (1824) не входило и не могло входить в старый школьный канон, старательно избегавший интимной лирики. Однако советскими школьными программами Баратынский не был вовсе обойден. Пять раз встречающееся в хрестоматиях 1846–1883 гг. стихотворение «Весна» (1823) попадает в советскую «Родную речь» Е. Е. Соловьевой, а канонизированное практикой прошлого столетия стихотворение «Где сладкий шепот...» постоянно входит в сборники для внеклассного чтения младших школьников.

7.

Описание трансформаций русского школьного канона, несомненно, требует включения в исследование еще одного аспекта: рассматривая хрестоматии, мы описываем тексты, предлагаемые школьникам. Следует, однако, поставить вопрос о *припоминаемом каноне*, о том, как и какие хрестоматийные тексты запоминаются, как влияют «школьные» тексты на навыки чтения, как они формируют репутацию авторов и как, в свою очередь, отражаются в собственных текстах выросших читателей хрестоматий и учебников.

Отчасти эти вопросы затронуты в главах предлагаемой монографии, однако они заслуживают отдельной методологической рефлексии и систематического исследования. Здесь хотелось бы лишь указать на перспективы экспериментального исследования детского чтения.

В декабре 2013 г., на заключительном этапе работы над нашей монографией, мы позволили себе обратиться к современному представлению о понятии «хрестоматийный текст» и задали в социальных сетях намеренно широко и неопределенно сформулированный вопрос, обращенный к открытому кругу реципиентов: *Какие русские стихотворения первыми возникают у вас в памяти, когда вы встречаете сочетание «хрестоматийный текст»?* Отвечающим предложено было ограничиться тремя текстами. Рабочая гипотеза состояла в том, что, несмотря на расплывчатую формулировку, представление о «хрестоматийности» связано, в первую очередь, не с «идеальной хрестоматией» (представляющей личные, поколенческие или групповые вкусы и предпочтения), а именно со школьным каноном²³. Действительно, как оказалось, современное интеллигентское²⁴ представление о «хрестоматийном тексте» тесно связано со школьной практикой. Мало того, в суммарных представлениях о школьном каноне советская практика отложилась не столько в виде введения новых авторов²⁵, сколько в форме перераспределения удельного веса поэтов XIX в. и их текстов внутри индивидуальных корпусов.

²³ Ср. примечание к одному из ответов: «Я не права. Перечислила не “хрестоматийные”. А ныне любимые. А хрестоматийные — это же из школы».

²⁴ Такое описание при отсутствии точных данных о реципиентах наиболее адекватно отражает характер аудитории опроса, возраст которой располагается в примерном диапазоне от 1940-х до 1990-х гг. рождения с преобладанием среднего возраста.

²⁵ Встречаются упоминания «Стихов о советском паспорте» Маяковского, «Письма матери» Есенина (по два) и единичное — «Смерти пионерки» Багрицкого; гораздо чаще в ответах, ориентированных не на школьный канон, а на некоторую «идеальную хрестоматию» упоминаются тексты Бродского. Главным текстом «серебряного века» оказывается «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» Блока (5 упоминаний), встречаются также тексты Пастернака, Мандельштама, Гумилева, названы (скорее, ернически) и «три редакции гимна Михалкова» (при-

В опросе приняли участие 125 человек, назвавших тексты русских поэтов (а иногда — и прозаиков) от автора «Слова о полку...» до Бродского. Всего было зарегистрировано 315 отдельных ответов (некоторые отвечающие ограничились одним стихотворением, другие назвали несколько больше).

Несомненным ядром этого «меморативного читательского канона» являются тексты, написанные в XIX в. Более половины названных произведений принадлежат четырем авторам, возглавляющим современный мнемонический пантеон — Пушкину, Лермонтову, Некрасову и Тютчеву.

Попробуем описать это «ядро припоминаемого школьного канона» — фрагмент картины коллективной памяти русских читателей начала XXI в.

Всего упоминаний четырех классиков насчитывается 242 (76,8% от общего числа упоминаний). Было названо 59 текстов этих четырех авторов (доля в суммарном текстовом репертуаре также приближается к половине — 47,5% от общего количества текстов).

На первом месте здесь Пушкин: 124 упоминания разных текстов (51,2% от 242, чуть более половины «меморативного ядра» канона), упомянуты 28 целых текстов (включая одну сказку и «Онегина») и фрагментов (некоторые идентифицируются приблизительно. Вот как распределяются здесь ответы:

20. «Я помню чудное мгновенье...»;
18. «Зимнее утро»;
13. «Зимний вечер»;
9. [«Зима! Крестьянин торжествуя...»], «Я вас любил: любовь еще, быть может...»;
8. [«Мой дядя самых честных правил...»], [«У лукоморья дуб зеленый...»];
5. «Осень» (целиком или фрагментарно); «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»;
4. «Узник»;
3. «Послание в Сибирь»;
2. «Пора, мой друг, пора...», [«Письмо Татьяны к Онегину»], [«Уж небо осенью дышало»], «Песнь о Вещем Олеге», [«Последнее свидание Онегина и Татьяны»];
1. «Вновь я посетил...», «Анчар», «Из Пиндемонти», «Пророк», «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Поэту», «Утопленник», «Сказка о царе Салтане», «Евгений Онегин», [«Характеристика Татьяны»], [«Ветер по морю гуляет...»].

мечательно, что не названо входившее в бесчисленные советские хрестоматии стихотворение «В музее Ленина!»).

На втором месте располагается Лермонтов: 72 упоминания (29,7% от 242), 11 стихотворений, поэм и отрывков (18,6% от общего количества текстов):

- 27. «Парус»;
- 19. «Бородино»;
- 11. «Выхожу один я на дорогу...»;
- 4. «Смерть поэта»²⁶, «Прощай, немытая Россия...»;
- 2. «И скучно и грустно...»;
- 1. «На севере диком стоит одиноко...», «Тучи», «Из Гёте», «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), «Нищий».

Третий по частоте — Некрасов (при сравнении с хрестоматиями XIX в. сильно укрепившийся в культурной памяти): он упоминается более чем вдвое реже Лермонтова (30 упоминаний, 12,4%), однако в ядро канона входит заметно больше некрасовских текстов, чем лермонтовских — 14 стихотворений, поэм и фрагментов (23,7% от количества наименований):

- 10. «Мужичок с ноготок»;
- 3. [Зачин «Железной дороги»];
- 2. «В полном разгаре страда деревенская...», [Мороз-воевода], «Кому на Руси жить хорошо», [Зачин «Кому на Руси жить хорошо»], [Есть женщины в русских селеньях...];
- 1. «Дед Мазай и зайцы», «Школьник», «Вчерашний день часу в шестом...», «Рыцарь на час», «Несжатая полоса», [Монолог повествователя из «Железной дороги»]; [«И долго я рыдал и бился...» (отрывок из «Тишины»)].

Последний в этом списке — Тютчев (16 упоминаний, 6,6%) 6 текстов (10,1% от количества текстов).

- 11. «Весенняя гроза»;
- 1. «Последний катаклизм», «Умом Россию не понять...», «О, как убийственно мы любим...», «Я встретил вас...», «Весенние воды».

Здесь еще нагляднее проявляется тенденция, очевидная у Некрасова: резкий количественный отрыв «текста-лидера» от периферии индивидуального канона²⁷ в коллективной памяти бывших учащихся советских и российских школ.

Говоря о перспективах изучения русского литературного канона, как представляется, следует иметь в виду не только детализацию описания

²⁶ Позволим себе частное наблюдение: название этого текста ни разу не было воспроизведено верно (самый частотный ответ — «На смерть поэта»).

²⁷ См. содержательные работы, посвященные тютчевской «Весенней грозе», трансформациям текста и его бытованию, в том числе, школьному: [Душечкина; Чумаков].

школьного канона и распространение его изучения на XX век, но и сопоставление культурных программ, текстов, предлагаемых педагогами и институциями, так сказать, «на входе», с результатами «на выходе» (которые, могут реконструироваться по индексам цитируемости стихотворений в текстах разных речевых жанров), а также с реализацией методических установок изучения литературы в школьной практике.

И, разумеется, по-прежнему насущной остается задача соположения школьного канона с другими культурными рядами, предлагающими свои (часто — альтернативные «казенному») принципы селекции заглавий и имен, выстраивания иерархий. Это важнейшее направление исследования литературного канона затронуто в ряде работ, составивших предлагаемую читателю книгу, но само по себе явление *диалога канонов* внутри национальной культуры заслуживает особого рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Галахов: *Галахов А. Д.* Записки человека. М., 1999.

Галахов, Буслаев: *Галахов А. Д., Буслаев Ф. И.* Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях... СПб., 1852.

Камков: *Камков А.* О ходе преподавания русской словесности во второй Казанской гимназии с 1836 по 1860 г. // ЖМНП. 1861. Ч. СХ. Отд. 1.

Петров: *Петров К.* Практический взгляд на программу русского языка и словесности // ЖМНП. 1862. Ч. СХІІІ. Февраль. Отд. I. С. 168–190.

Сборник распоряжений-3: Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. 1850–1864. СПб., 1867.

Учебные планы 1872: Учебные планы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1872. Т. 162. № 7. С. 35–161.

Учебные планы 1890: Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях. СПб., 1890.

Учебные планы 1905: Программы курса русской словесности и объяснительные к ним записки // ЖМНП. 1905. № 8.

Исследования

Алешинцев: *Алешинцев И.* История гимназического образования в России. XVIII и XIX век. СПб., 1912.

Вдовин, Лейбов: *Вдовин А., Лейбов Р.* Пушкин в школе: *currículum* и литературный канон в XIX веке // Лотмановский сборник. Вып. 4. М.: ОГИ, 2014.

Головин: Головин В. В. Фольклоризация и литературная традиция «Казачьей колыбельной песни» М. Лермонтова // Северный сборник. Стокгольм, 2000. С. 33–53.

Гронас 2001а: Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии в 80-х – 90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51.

Гронас 2001б: Гронас М. Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом (Память сердца) // Новое литературное обозрение. 2001. № 51.

Долбилов: Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

Душечкина: Душечкина Е. В. О судьбе «поэтической климатологии» Тютчева // *Studia metrica et roetica*. Сборник статей памяти П. А. Руднева. СПб., 1999.

Западные окраины: Западные окраины Российской империи. М., 2006.

Исаков: Исаков С. Г. Русский язык и литература в учебных заведениях Эстонии XVIII–XIX столетий. Спецкурс для студентов-русистов. Тарту, 1973–1974. Вып. I–II.

Лану: Лану А. Формирование канона русского романтизма // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 35–67.

Лейбов: Лейбов Р. Г. Художественный текст как механизм репликации и «Золотой век» русской литературы // Пушкинские чтения в Тарту. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон. Тарту, 2011. Т. 1.

Лескинен: Лескинен М. Книги для чтения и хрестоматии для начальной школы как инструмент формирования «нового человека» в России последней трети XIX в. Вопросы теории и практики // Учебный текст в советской школе. СПб., 2008.

Лоскутова 2001: Лоскутова М. Национальный литературный канон в средней школе. Заметки о новых подходах к социальной истории образования // Новое литературное обозрение. 2001. № 51.

Лоскутова 2012: Лоскутова М. «Сведения о климате, почве, образе хозяйства и господствующих растениях должны быть собраны...»: просвещенная бюрократия, гумбольдтовская наука и местное знание в Российской империи второй четверти XIX в. // *Ab Imperio*. 2012. №. 4. С. 111–156.

Сенькина: Сенькина А. Книги для чтения и хрестоматии для начального обучения, изданные в России в с 1797 по 1917 гг. (Материалы к библиографическому указателю) // Ребенок XVIII–XX столетий в мире слов: история российского букваря, книги для чтения и учебной хрестоматии: [Сб. библиографических материалов ...] / Сост. Г. В. Макаревич. М.; Тверь, 2009. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 5).

Скафтымов: Скафтымов А. П. Преподавание литературы в дореволюционной школе (сороковые и шестидесятые годы) // Уч. зап. Саратовского гос. пед. ин-та. 1938. Вып. 3.

Указатель: Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год: [в 8 вып.] / АН СССР, Ин-т языкознания; Н. С. Авилова, Е. Т. Черкасова, Н. Ю. Шведова; гл. ред. В. В. Виноградов. М., 1954–1959.

Фомин: К биографии А. Д. Галахова. [Письма к М. Ф. Де-Пуле / Публ. и коммент А. Фомина] // *Sertum bibliologicum* в честь... А. И. Малеина. Пг., 1922. С. 214–233.

Черепанов: *Черепанов С. А.* Учебные планы общеобразовательной школы в дореволюционной России // *Известия АПН РСФСР*. М., 1951. Вып. 33. С. 151–209.

Чертов: *Чертов В. Ф.* Русская словесность в дореволюционной школе. М., 1994.

Чумаков: *Чумаков Ю. Н.* Геба и громокипящий кубок (о трех текстах «Весенней грозы» Ф. И. Тютчева) // *Чумаков Ю. Н.* Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. М., 2008.

Benedict: *Benedict, Barbara M.* Making the Modern Reader: Cultural Mediation in Early Modern Literary Anthologies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996.

Brooks: *Brooks, J.* Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics // *Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich* / Ed. I. Banac, J. G. Ackerman and R. Szporluk. Boulder, Colorado, 1981. P. 315–334.

Byford: *Byford, Andy.* Between Literary Education and Academic Learning: The Study of Literature at Secondary School in Late Imperial Russia (1860s-1900s) // *History of Education*. 2004. Vol. 33. P. 637–660.

Guillory: *Guillory, J.* Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago, University of Chicago Press, 1993.

Guillory 1995: *Guillory, J.* Canon // *Critical Terms for Literary Study* / Ed. by F. Lentricchia and T. McLaughlin. Chicago, London, 1995. P. 233–249.

Lincoln: *Lincoln, B. W.* In the Vanguard of Reform. Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, Northern Illinois University Press, 1982.

Moretti 2007: *Moretti, F.* Graphs, Maps, Trees: Abstract Models for a Literary History. London; New York: Verso, 2007.

Moretti 2013: *Moretti, F.* Distant reading. London; New York: Verso, 2013.

Staliunas: *Staliunas, D.* Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam/New York, NY: Rodopi, 2007.